

Анатолий Васильевич Луначарский

Володарский

Анатолий Васильевич Луначарский
Володарский

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175777

Анатолий Васильевич Луначарский Володарский

С товарищем Володарским я познакомился вскоре после приезда моего в Россию.

Я был выставлен кандидатом в Петербургскую городскую думу, и на выборах, если не ошибаюсь, в июне месяце был выбран гласным. На первом же собрании объединенной группы новых гласных большевиков и межрайонцев я встретил Володарского. Надо сказать, что эта объединенная группа включала в себя немало более или менее крупных фигур. Ведь к ней принадлежали и Калинин, и Иоффе, и такие товарищи из межрайонцев, как Товбина и Дербышев, входили в нее товарищи Закс, Аксельрод и многие другие. Но я не мог не отметить сразу на этом далеко не заурядном фоне фигуру Володарского.

Яков Михайлович Свердлов был, так сказать, инструктором группы и дал ей некоторые общие указания, а вслед за тем мы стали обсуждать все предстоящие нам проблемы, и в обсуждении этом сразу выдвинулся Володарский. С огромной сметливостью и живостью ума ухватывал он основные задачи нашей новой деятельности и обрисовывал, каким образом можем мы объединить реальное и повседневное об-

служивание пролетарского населения Петрограда с задачами революционной агитации. Я даже не знал фамилии Володарского. Я только видел перед собою этого небольшого роста ладного человека, с выразительным орлиным профилем, ясными живыми глазами, чеканной речью, точно отражавшей такую же чеканную мысль.

В перерыве мы вместе с ним пошли в какое-то кафе, расположенное напротив Думы, где мы заседали, и продолжили нашу беседу. Я там невольно и несколько неожиданно для себя сказал: «Я ужасно рад, что вижу вас в группе; мне кажется, что вы как нельзя лучше приспособлены ко всем перипетиям той борьбы, которая предстоит нам вообще и в Думе в частности». И только тут я спросил его, как его фамилия и откуда он. «Я – Володарский, – ответил он, – по происхождению и образу жизни рабочий из Америки. Агитацией занимаюсь уже давно и приобрел некоторый политический опыт».

Володарский очень скоро отошел от думской работы. Еще до Октября он определился как одна из значительных агитаторских сил нашей партии и несмотря на лихорадочную и подчас ослепительно яркую работу таких агитаторов нашей партии, как Троцкий, Зиновьев и другие.

Но больше всего он развернулся после Октября. Тут его фигура стала в некоторой степени наиболее ярко представлявшей всю нашу партию в Петрограде. Таким положением он обязан был и своему выдающемуся агитаторскому та-

ланту, и своей мужественной прямолинейности, и своей совершенно сверхчеловеческой трудоспособности, наконец, и тому, что поистине гигантскую агитацию он соединял с деятельностью редактора «Красной газеты», создателем которой являлся.

Прежде всего постараюсь хоть несколько охарактеризовать Володарского как оратора и агитатора.

С литературной стороны речи Володарского не блистали особой оригинальностью формы, богатством метафор, которыми дарил слушателей от своего преизбытка Троцкий. Его речи с этой стороны были как бы суховаты. Они должны были бы особенно восхитить нынешних конструктивистов, если бы, впрочем, эти конструктивисты были настоящими, а не путаниками. Речь его была как машина, ничего лишнего, все прилажено одно к другому, все полно металлического блеска, все трепещет внутренними электрическими зарядами. Быть может, это – американское красноречие, но Америка, вернувшая нам немало русских, прошедших ее стальную школу, не дала все же ни одного оратора, подобного Володарскому.

Голос его был словно печатающий, какой-то плакатный, выпуклый, металлически-звонящий. Фразы текли необыкновенно ровно, с одинаковым напряжением, едва повышаясь иногда. Ритм его речей по своей четкости и ровности напоминал мне больше всего манеру декламировать Маяковского. Его согревала какая-то внутренняя революционная рас-

каленность. Во всей этой блестящей и как будто механической динамике чувствовался клокочущий энтузиазм и боль пролетарской души. Очарование его речей было огромное. Речи его были не длинные, необычайно понятны, как бы целое скопище лозунгов, стрел, метких и острых.

Казалось, он ковал сердца своих слушателей. Слушая его, больше чем при каком угодно другом ораторе понималось, что агитаторы в эту эпоху расцвета политической агитации, какого, может быть, мир не видел, поистине месили человеческое тесто, которое твердело под их руками и превращалось в необходимое оружие революции.

Ораторская сторона дарования Володарского была наибольшей, но эта блестящая натура не исчерпывала его. Володарский был также превосходным организатором – редактором и в своем роде незаменимым публицистом. Его «Красная газета» сразу сделалась действительно боевой газетой, лагерной газетой революции, необычайно доступной массам, еще более доступной, чем даже тогда столь изумительная своей всенародностью «Правда». Вся его газетка стала такая же, как он. Ладная, по-американски слаженная и изящная отсутствием всего излишнего, простая и в простоте своей разительная, могучая. Писал он необыкновенно легко, так же как говорил. За особой оригинальностью не гонялся. Посылал свои статьи, как и слова, словно пули, а никто ведь, отстреливаясь и нападая, не думает о том, чтобы пули были оригинальные. Но зато его словапули, написанные и напеча-

танные, пробивали всякие препятствия.

Володарский был вообще хорошим организатором.

Как он чудесно и с легкостью инстинкта сразу организовывал любую речь на любую тему, а вокруг нее организовывал случайную толпу слушателей, так, думаю я, удалось бы ему ладно организовать любой аппарат. Но ему не пришлось проявить во всей полноте эту свою сторону, так как он скоро был убит, и мы смогли до его смерти использовать его вне области агитации только как организатора «Красной газеты» и как заведующего Отделом печати в тогдашнем Исполкоме Союза северных коммун. Как «цензора» буржуазия ненавидела его остро.

Ненавидела его буржуазия и все ее прихвостни и как политика. Я думаю, никого из нас не ненавидела она тогда так, как его. Ненавидели его остро и подколенно эсеры. Почему так ненавидели Володарского? Во-первых, потому, что он был вездесущ, он летал с митинга на митинг, его видели и в Петербурге, и во всех окрестностях чуть ли не одновременно. Рабочие привыкли относиться к нему как к своей живой газете. А он был беспощаден. Он был весь пронизан не только грозой Октября, но и пришедшими уже после его смерти грозами взрывов красного террора. Этого скрывать мы не будем, Володарский был террорист. Он до глубины души был убежден, что, если мы промедлим со стальными ударами на голову контрреволюционной гидры, она не только пожрет нас, но вместе с нами и проснувшиеся в Октябре ми-

ровые надежды.

Он был борец абсолютно восторженный, готовый идти куда угодно. Он был вместе с тем и беспощаден. В нем было что-то от Марата в этом смысле. Только его натура в отличие от Марата была необыкновенно дневной, отнюдь не желавшей как-то скрываться, быть таинственным учителем из подполья, наоборот, всегда сам, со своим орлиным клювом и зоркими глазами, всегда со своим собственным металлическим клетотом горла, всегда на виду в первом ряду, мишень для врагов, непосредственный командир.

И вот его убили.

Оглядываясь назад, видишь, что это было совершенно естественным. Тогдашним Петербургом правил, конечно, Зиновьев. Его терпеть не могли враги и, вероятно, тоже убили бы, если бы представился хороший случай. Железной рукой, которая реально держала горло контрреволюции в своих пальцах, был Урицкий, и его тоже вскоре убили. Но нашим знаменосцем, нашим барабанщиком, нашим трубачом был Володарский. Шел впереди не как генерал, а как тамбурмажор, как великий тамбурмажор титанического движения. Уже многие пали в это время, но пали в открытом бою. Володарский был первым павшим от пули убийцы. Мы все поняли, что это дело эсеров, как оно и оказалось. Ведь это была самая решительная часть буржуазии.

Но не буржуазная рука сразила Володарского, преданного трибуна, рыцаря без страха из ордена пролетариата. Да,

его сразила рабочая рука. Его убийца был маленький, болезненный рабочий, большой идеалист. Годами этот тихий человек со впалой грудью мечтал о том, чтобы послужить революции своего класса, послужить подвигом и, если понадобится, умереть мученической смертью. И вот пришли интеллигенты, побывавшие на каторге, заслуженные, так сказать, с грудью, увешанной революционными орденами.

Эти интеллигенты внутренне принимали революцию как свое дело, как дело продвижения своей группы, авангарда мелкой буржуазии, к власти. Эти интеллигенты уже сели в мильерановские кресла, они уже сталкивались с буржуазией, они уже вкусили от сладости быть первыми приказчиками капитала и раззолоченной розовой ширмой своей революционной фразы защищать капитал от ярости проснувшегося пролетариата. И вот во главе этого яростного народа становятся трибуны, которые ведут его вперед, опрокидывают к черту эту розовую раззолоченную ширму, опрокидывают кресла этих высокоуважаемых Черновых и Церетели, железной рукой выметают интеллигентских героев, интеллигентскую надежду вместе с наспех приспособившимися к новым порядкам капиталистами.

О, какая ненависть, какой преисполненный сентиментальности героический пафос пустозвонного фразерства горел в груди отвергнутых новобрачных революции! И эти интеллигенты, пользуясь доверием маленького рабочего со впалой грудью, говорят ему:

«Ты хочешь совершить подвиг во имя твоего класса, ты готов на мученическую смерть? Пойди же и убей Володарского. Правда, мы тебе этого не приказываем, мы выберем момент, мы еще подумаем, но только в одном мы тебя уверяем, что это будет подлинный подвиг, за это стоит умереть».

И снабдив беднягу оружием и поставив его душу под пытку самоподготовки для террористического покушения против окруженного любовью его класса трибуна, господ эсеры влачат день за днем, неделю за неделей и в то же время выслеживают Володарского как красного зверя. Видите ли, убийца оказался для другой цели в пустом месте, где должен был проехать Володарский! Видите ли, эсеры нисколько не виноваты в его убийстве, потому что они не хотели, чтобы именно в этот момент спустил курок убийца! Спустил он его просто потому, что у автомобиля лопнула шина, и убийце казалось очень удобным расстрелять Володарского. Он это и сделал. Эсеры были не только смущены, но даже возмущены и тотчас же объявили в своих газетах, что они здесь ни при чем.

И надо вспомнить, в какие дни произошло убийство Володарского. В день своей смерти он телефонировал Зиновьеву, что был на Обуховском заводе, телефонировал, что там, на этом тогда полупролетарском заводе, где заметны были признаки антисемитизма, бесшабашного хулиганства и мелкой обывательской реакции, – очень беспокойно.

В те дни эсеры – вкуче и влюбе с офицерами минной ди-

визии – взбулгачили ее матросов настолько, что на митинге, на котором говорили я и Раскольников, был прямо постановлен и подхвачен обманутыми матросами миноносцев лозунг: «Диктатура Балтфлота над Россией». Никто не возражал, когда мы доказывали, что за этой диктатурой стоит диктатура нескольких офицеров, помазанных жидким эсерством, и нескольких лиц, еще более неопределенных, со связями, уходившими через иронически улыбавшегося адмирала Щастного в черную глубь. Минная дивизия стала тогда за Обуховским заводом, она и протянула ему руку.

Володарский просил Зиновьева приехать лично на Обуховский завод и попытаться успокоить его своим авторитетом. Зиновьев пригласил меня с собою, и мы оба часа два, под крики и улюлюканье эсеровской и меньшевистской шайки (к эсерам и меньшевикам налипло тогда все, что было реакционного на заводе), старались ввести порядок в настроение возбужденной массы. Мы возвращались с Обуховского завода и по дороге, не доезжая Невской заставы, узнали, что Володарский убит.

Горе и ужас охватили пролетарское население. Пуля, убившая Володарского, убила также и всю минно-обуховскую затею. Петербургский исполком разоружил минную дивизию, и вся буря Обуховского завода сразу улеглась.

В Большом Екатерининском зале Таврического дворца, утопая в горе цветов, пальмовых ветвей и красных лент, лежал Володарский, застреленный орел. Как никогда резко,

словно у бронзового римского императора, выделялось его гордое лицо. Он молчал важно. Его уста, из которых в свое время текли такие пламенные, острые, металлические речи, сомкнулись как бы в сознании того, что сказано достаточно. Неизгладимое впечатление произвело на меня отношение старых работниц к покойнику. На моих глазах некоторые из них подходили с материнскими слезами, долго с любовью смотрели на сраженного героя и с судорожным рыданием говорили: «Голубчик наш».

Шествие, хоронившее Володарского, было одним из самых величественных, которые знал издавший виды Петербург. Десятки, а может быть, и сотни тысяч пролетариев провожали его к могиле на Марсовом поле. Что чувствовали при этом убийцы-эсеры? Понимали ли они, на кого подняли руку? Признавали ли, как в глубине, внутри, весь петербургский пролетариат был с ним и с нами, с Коммунистической партией? Ни в коем случае. В это время они хотели только поднять свой револьвер выше, вели переговоры с добротными террористами, присматривались к тому, насколько подходяща та или иная Коноплева, та или иная Каплан для дальнейших «подвигов и жертв».

Ненависть к Володарскому сказалась и в том, что временный памятник ему, поставленный недалеко от Зимнего дворца, был взорван в дни, когда Юденич подступал к Петербургу. В последнее мое посещение Петербурга я видел этот памятник, разорванный и полуискалеченный, в вестибюле Му-

зая Революции. Я не могу сказать, чтобы художнику памятник очень удался. Его все равно позднее пришлось бы заменить и более прочным и более художественным. Но и такой, как он есть, этот серый исполин с орлиным лицом, разорванный и раздробленный внизу, гордо смотрит в будущее победоносным челом.